Валерий Шулековский

Многоточие

Сборник рассказов

Минск
2024

ББК 63.3(2)631
Ш 95

Всем тем, кого я считаю
близкими по духу, посвящается

18+ (старше 18 лет)

Шулековский, Валерий Владимирович

Ш 95 Многоточие. Сборник рассказов/ В.В. Шулековский. – Минск: «Истина». – 2024. – 104 с.

В этом сборнике большинство рассказов созданы во время яркого творческого периода, своеобразной «Болдинской осени», – октября 2024 года. Это новый уровень осмысления бытийности для автора и, хочется надеяться, и для читателей.

© Шулековский В.В., 2024

Шанс для темной лошадки

В моей любимой кофейне, уютной и буквально опьяняющей сумасшедшим духом прожаренных зерен в тот вечер я чувствовал себя особенно хорошо. Виной тому было какое-то новое для меня ощущение сделанного мною поистине важного действия. Какого именно — об этом я поведаю позже. А пока я наслаждался терпким ароматом «американо», хрипловатым и несколько жалобным тенором саксофона, перекликающимся с мягкими рояльными доминант-септаккордами и осознанием торжества поступка, совершенного мною накануне.

Немногочисленные посетители кафе так же, как и я получали, по-видимому, заслуженное удовольствие от земных благ в виде кофе и свежих круассанов, переговаривались между собой, тихо смеялись или о чем-то вполголоса спорили. Кто-то изучал содержимое мобильных телефонов либо просто был поглощен процессом употребления бодрящих напитков.

Я же просто сидел, попивал свой кофе и тихо улыбался про себя. Я также ловил себя на мысли, что именно теперь как никогда мне хотелось поделиться своей тихой радостью с каким-нибудь совершенно посторонним человеком, хотя это было несвойственно моей натуре. Всю свою жизнь я (как и многие другие) считал себя совершенно неприметной личностью, малоинтересной для окружающих, этаким усредненным стандартом единицы большого социума. Разумеется, я не стал бы называть себя ничтожеством, но я никогда не был способен на неординарные поступки благодаря своей почти маниакальной склонности к анализу и расчетам (которая, кстати говоря, не сделала из меня успешного человека)...Хотя, я, пожалуй, вновь опережаю события и поэтому с вашего позволения

вернусь в обстановку полутемного и комфортабельного заведения, где люди, наверное, меньше всего задумываются о моральных аспектах жизни, а просто вкушают приятную и незатейливую толику нехитрого счастья своей жизни.

Погруженный в свои мысли я все же сумел заметить, как в кофейню зашел человек. Это был мужчина средних лет. Он несколько секунд постоял у входа, видимо, осматриваясь и решая — остаться ему здесь или нет. Затем он двинулся между столиками, ища место для посадки, и неожиданно подошел ко мне.

— Вы не возражаете, если я присяду за вашим столиком? — спросил он, вежливо наклонившись ко мне.

Я невольно оглянулся по сторонам — кругом было много пустых столиков. Но тем, не менее, я также вежливо ответил:

— Пожалуйста.

Он сел напротив, и теперь я смог как следует его разглядеть. Стройный, худощавый, смуглый (по национальности он был, скорее всего, кем-то из азиатов, но не китаец или кореец). На хрящеватом носу очки в черной оправе. Жесткие, как у пуделя волосы, совершенно черные, как маслины, глаза. Небольшая бородка, которая, соединяясь с тонкими усами, образовывала черный овал вокруг рта. Одет в бежевый льняной костюм.

К столику подошла девушка-официантка и обратилась к пришедшему:

— Что будете заказывать?

— Пожалуйста, воды с лимоном, — попросил мужчина на четком, правильном, лишенном всякого акцента русском языке. Девушка кивнула головой и отошла, почти незаметно пожав плечами.

— Удивилась, однако, — произнес мой сосед по столику, улыбнувшись, — клиент в кофейне заказывает воду.

– По-моему, ей все равно, – ответил я, поглядев на удаляющуюся официантку, – а вы не любите кофе?

– Думаю, для кофе, равно как и другого напитка или еды или предмета слово «любить» не вполне подходящее. Но, тем не менее, вы правы – я не люблю кофе, – просто ответил мой собеседник.

В это время ему принесли бокал воды, в котором подобно желтому айсбергу плавал кусок лимона. Он поблагодарил, поднял бокал и отпил немного из него.

– Вообще-то говоря, там, откуда я родом, круглый год стоит жара, – сообщил мужчина с легкой улыбкой, – поэтому пить всегда и всюду воду – для меня это устойчивая привычка.

Признаться, я не хотел задавать ему очередной вопрос, но это произошло как-то невольно:

– Простите, а разве для того, чтобы выпить воды, нужно обязательно заходить туда, где в основном заказывают и пьют кофе?

Мужчина нисколько не смутился и даже добродушно рассмеялся:

– Ну да, случаются вещи, которые не вписываются в обычную человеческую логику. Например, у человека большая радость, удача, которая выпадает чуть ли не раз в жизни. А он вместо того, чтобы отметить ее в шикарном ресторане, идет в обыкновенную кофейню и предпочитает хорошему вину чашку простого черного кофе.

При этих словах я сильно опешил. Почему – опять же узнаете позже. Но в тот момент я почти против воли задал еще один вопрос:

– Вы, простите, из какой страны?

Собеседник удивленно поднял брови:

– Страны? Вы меня извините, но в данный момент мы с вами земляки.

– А что значит «в данный момент»? – в свою очередь удивился я, – у вас что, на каждый отдельный момент имеется своя национальность?

– В каком-то смысле да, – вновь рассмеялся мужчина.

– А позвольте полюбопытствовать, – совершенно обнаглел я, – как ваше имя?

– Мое имя Эммануил, – ответил тот.

– Ну вот, видите, – всплеснул я руками, – имя не типичное для наших мест.

– Это имя типично для любого места, – туманно пояснил Эммануил и тут же наклонился ко мне, – а хотите я скажу вам, каким будет ваш следующий вопрос?

– Хочу, – ответил я, невольно сознавая, что постепенно вовлекаюсь с какую-то странную словесную игру, но при этом испытывая необъяснимую симпатию к игроку.

– Вы хотели спросить меня, почему при наличии в кафе стольких свободных столиков я подошел именно к столу, за которым сидели вы. Не так ли?

– Допустим, – произнес я не вполне решительно, начиная кое о чем догадываться, учитывая фразу об удаче, сказанную минутой ранее человеком, назвавшем себя Эммануилом.

– Я вам отвечу на ваш вопрос, – мягко сказал он, глядя мне в глаза своими маслинами, – дело в том, что весь ваш облик излучал такую радость, что не заметить это мог бы лишь очень рассеянный или озабоченный человек. И в свою очередь спрошу вас – скажите, вы верите в случайности и совпадения?

– А к чему вообще это вопрос? – насторожился я, – вы хотите сказать, что вы пришли в это кафе и подошли именно ко мне не случайно? И также неслучайно вы определили, что мне выпала какая-то крупная удача?

– А она вам действительно выпала? – спросил Эммануил, поигрывая пустым бокалом и внимательно глядя на меня. Я смутился. Меня начали одолевать разные нехорошие мысли и подозрения.

– Вы из налоговой полиции? – прямо в лоб спросил я. Эммануил расхохотался.

– Ну, раз вы упомянули эту уважаемую организацию, то я попал в самую точку. Но я не из полиции, спешу вас успокоить. И не мошенник. И не экстрасенс. И будем считать, что зашел я сюда совершенно случайно. Однако к вам я подошел не случайно, а – повторюсь – потому, что меня привлекла ваша плохо скрываемая вами радость от чего-то...

– А вам всегда есть дело до чьих-то радостей? – выпалил я и тут же осекся – настолько грубым вопрос показался мне же самому. Но Эммануил не обиделся и даже не смутился, а ответил просто и ясно:

– Представьте себе – да. Впрочем, так же, как и до чужих горестей. Не подумайте, я не психолог, не священник и не журналист. Я просто изучаю человечество. Собираю различные жизненные истории, пытаюсь понять людей. В чем их радость, а в чем печаль. Может быть, это покажется вам странным, но это так и есть. Расскажите вашу историю. Историю вашей удачи. Ведь я угадал – вам несказанно повезло?

Я испытующе посмотрел на этого действительно странного человека, но как я не старался, я не увидел в нем даже малейшей частицы скрытой подлости, коварства, лжи. Передо мной сидел загадочный, но вполне симпатичный и добродушный азиат, в смоляных глазах которого я разглядел только по-детски непосредственную и милую любознательность и готовность самого искреннего участия. Почему я так повел себя тогда – не могу объяснить и сейчас. Но я рассказал все-таки ему, почти незнакомому человеку

историю своей удачи, а главное, ее воплощения в реальной жизни.

– Мне действительно крупно посчастливилось совсем недавно, – начал я с некоторым волнением, – но прежде раскрою вам некоторые тайны своей судьбы. Так уж случилось, что по жизни я человек невезучий. Скажем так, серая заурядная личность, неспособная решительным движением разорвать скучную паутину повседневности, прозябающая на жалкую зарплату наемного служащего. Видимо, поэтому я так и не смог создать полноценную семью. Да, попытки были, но они не увенчались успехом. Три женщины бросили меня, убедившись в полной бесперспективности брака. Детей не было ни от одной из них. Вот таким неприметным одиночкой я и жил до недавней поры. Как это часто бывает, люди, не преуспевшие в материально-бытовом или карьерном смысле, надлежащим образом устраивают свою духовную жизнь, предаваясь религии или какому-нибудь высоконравственному учению. Но со мной и этого не случилось. Я был «лузером» во всех отношениях, и в канители своих материальных проблем даже забыл о своей престарелой и больной матери, которая год назад ушла из жизни в богом забытом доме престарелых.

У меня и друзей-то нормальных не было. За исключением одного школьного приятеля, со встречи с которым все и началось...

Несколько дней назад этот старый приятель позвал меня на встречу. Нужно отметить, что мой товарищ как раз таки прилично преуспел в жизни и постоянно подтрунивал надо мной по этому поводу. И вот в один из дней он позвонил мне и пригласил в одно место, которое предпочел оставить втайне от меня. Наверное, снова решил подшутить надо мной, подумал я тогда.

Итак, я собираюсь, спускаюсь в метро и еду к назначенному месту. До сих пор не пойму, почему именно тогда я обратил внимание на одно объявление в вагоне метро (их в последнее время часто помещают в общественном транспорте). Объявление о сборе средств на лечение больного ребенка. Вернее, на экстренную операцию.

Сейчас я уже не помню, какого именно органа. Фотография мальчика настолько взволновала меня в тот момент (сам не знаю почему – обычно я не обращал на них особого внимания), что я вынул мобильный телефон и сфотографировал объявление со всеми платежными реквизитами.

А дальше произошло вот что…

Приятель встретил меня возле выхода из метро, мы сели в его автомобиль, и тут он предложил:

– Хочешь сорвать куш?

– Не понял, – ответил я, опешив, – ты что, в казино меня хочешь пригласить. Так знай – я пас. Не с моими финансами делать ставки. Хочешь, чтобы я промотал последние крохи?

– Не казино, – успокоил меня друг, – я предлагаю потусить на скачках.

– Ипподром? А в чем разница? И то и другое – лотерея. Шансы почти нулевые. Нет, брат, не уговаривай. Лучше одолжи до получки, а то я скоро на мель сяду.

– Я одолжу, – настаивал приятель, – но с условием, что ты их поставишь на какую-нибудь кобылу.

– Тебе это зачем, – начал злиться я, – ради прикола опять?

Приятель рассмеялся и похлопал меня по плечу:

– Я сон сегодня видел, что ты в дерьмо наступил. А это к деньгам!

– Ну, спасибо, успокоил. Нет, брат, я пас.

– Ладно, отдашь деньги, когда сможешь. Ну, не упрямься, давай сыграем. Хоть развлечемся...

Он долго уговаривал меня, и, в конце концов, я подумал: а провались оно все к черту! Продую так продую. Что я в своей несчастной жизни теряю?

И мы поехали на ипподром. Приятель, поднаторевший на такого рода развлечениях, всю дорогу давал мне различные инструкции по тотализатору, но я их почти не слушал, потому что не верил, что мне может повезти. И я полагал, что шансов выбрать лошадь-победительницу у меня не больше, чем у несчастного ребенка из объявления в метро на то, что удастся собрать нужную сумму на операцию, когда в этой стране столько неудачников и нищебродов, подобных мне, а богатые, как водится, в метро не ездят...

– Мой тебе совет как начинающему, – втолковывал товарищ, – ставь не фаворита. У него шансов всегда больше.

– А фавориты что, никогда не падают, – съязвил я.

– Никогда. На то они и фавориты. Но есть еще и темные лошадки, поставив на которые можно сорвать огромный куш. Но это, кажется, не про тебя... Так что лучше всего ставь на фаворита.

Мы приехали на скачки и начали делать свои ставки. Не знаю, как это объяснить, но я сделал в тот день две совершенно не характерные для меня вещи – я поставил все свои имеющиеся на тот момент деньги, а также деньги, одолженные приятелем, и поставил их...на темную лошадку.

Почему я это сделал? Может быть, отчасти, чтобы позлить приятеля. Может быть, вопреки сложившимся стереотипам? А скорее всего потому, что в тот момент я вспомнил, что в своей жизни я и сам был типичной темной лошадкой, на которую решился бы поставить только сумасшедший.

Наконец, старт был дан, и лошади помчались по кругу. Выслушивая упреки и насмешки приятеля, я все же не сводил напряженного взгляда от лошади, на которую поставил и мысленно подгонял ее и жокея, посылая им невидимые импульсы, ускоряющие их бег.

На одном из кругов я увидел, как моя лошадь безнадежно отстает и в некотором отчаянии закрыл глаза. Но едва сомкнув веки я неожиданно увидел того самого мальчика, так остро нуждавшегося в операции в то время, как я, бездарный и никчемный человечек, просаживаю деньги на ипподроме ради какого-то мифического и совершенно невероятного выигрыша, шанс на который близок к нулю...

Я открыл глаза от того, что кто-то с силой пихнул меня в плечо.

Им оказался мой товарищ, который истошно орал мне прямо в лицо: «Ты выиграл, сукин сын! Темная кобыла пришла первой!»

Представьте мое состояние в ту минуту! Только подумать – «лузер» вытащил свой счастливый билет. И выиграл сумасшедшие деньги!

– Как же вы распорядились ими? – спокойно спросил Эммануил, сняв очки и протерев их салфеткой, – хотя... кажется, я знаю... Вы, видимо, отдали их на операцию ребенка? Не так ли?

– Как вы узнали? – изумленно спросил я.

– Об этом не трудно догадаться, вы ведь не раз упомянули его в своем рассказе. Но... – Эммануил сделал паузу и внимательно посмотрел мне в глаза, – вы отдели не весь выигрыш? Правда?

Я осекся, но быстро справился с нахлынувшим на меня волнением:

– Нет, не весь. Ровно половину. А... разве это имеет значение?

Эммануил молчал, продолжая поигрывать пустым бокалом. Мне стало не по себе. Его молчание начало пугать меня.

– Разве я поступил не по-человечески? – спросил я тихо, – не по-христиански?

Эммануил, наконец, прервал молчание:

– Скажите, – спросил он, – в чем все-таки была ваша истинная радость: в том, что вы выиграли большие деньги и преодолели в итоге свою пожизненную невезучесть или в том, что совершили благородный поступок, отдав деньги на спасение мальчика?

– Скорее, и то и другое, – твердо ответил я, – здесь мне на ум приходит заповедь – возлюби ближнего, как самого себя. Я отдал деньги ребенку, тем самым возлюбив его, как ближнего. Но и оставил деньги себе, тем самым возлюбив самого себя.

– Занятная математика, – произнес Эммануил, – пятьдесят на пятьдесят. Обоим поровну.

– А что не так? – начал раздражаться я, – тысячи людей поступили совсем иначе. Они попросту оставили себе все деньги, не заботясь о чужих бедах.

– Не спорю, – сказал Эммануил, кивнув головой, – но есть другие тысячи, которые, подобно вам, предпочли пропорции добра. Кто-то пятьдесят на пятьдесят, кто-то семьдесят на тридцать, а кто-то пять на девяносто пять. Деление добра, одним словом.

– Я вас не понимаю, – развел я руками, – вы меня осуждаете за то, что я дал мальчику только половину?

– О, что вы! – воскликнул странный азиат, – вас осуждать! Помилосердствуйте!

– Тогда в чем проблема?

Эммануил протянул свою смуглую руку и положил ее на мою. Его лицо приобрело такое участливое выражение, что мне сделалось не по себе. Я всем

своим нутром почувствовал, что через несколько мгновений я услышу от него самое важное. Так оно и произошло.

– Послушайте, – с некоторым надрывом произнес он, – когда вы совершали этот благотворительный акт, о чем вы больше всего думали – о том, чтобы помочь ребенку или о том, чтобы помочь себе?

– Какое это, в конце концов, имеет значение? – воскликнул я, – ведь главное в том, чтобы ребенок спасся!

– Дорогой мой, – вздохнул мой странный знакомый, – а вы не подумали о том, что тем самым вы просто напротив одного из списка добрых дел поставили галочку?

– Что за чушь! – возмутился, отдергивая руку, – я дал мальчику большую сумму денег, в то время как другие дали по рублю, а может быть вообще ничего не дали! За что вы меня судите?

– Я не сужу вас, помилуйте, – мягко ответил Эммануил, – я просто хочу понять истинную причину вашей радости. И я ее, кажется, понял.

– Ну и в чем она?

– Вы сам должны это понять, мой друг, – вздохнул он, – но для того, чтобы это сделать, вы должны узнать еще кое-что.

– Что именно?

Эммануил помолчал, поправил очки на носу и откинулся на спинку стула. То, что он сообщил мне, пригвоздило меня к месту, как распятого.

– Мальчик умер. Необходимой суммы на операцию не хватило, к несчастью. И знаете, какой именно? Той самой половины вашего выигрыша. Вот такая грустная математика.

После этих слов Эммануил встал, похлопал меня дружески по плечу и направился к выходу.

Я сидел неподвижно, переваривая его слова всем своим организмом, всем своим умом, склонным к расчетам, всей своей половинной душой. Внезапно, я сорвался с места, кинулся к выходу и, вылетев из кафе, лихорадочно посмотрел по сторонам. Улица была пустынна. Мой собеседник исчез, как кольцо дыма, выпущенное курильщиком.

– Эммануил! – истошно выкрикнул я, но улица ответила мне могильной тишиной. «Эммануил, Эммануил...» – бешено вертелось в моем уме – кто ты такой?»

Я выхватил из кармана мобильный телефон, и его величество интернет без запинки дал мне ответ: «Эммануил – одно из имен Иисуса Христа».

А мое имя он так и не спросил. Да и зачем оно ему?

Май 2024

Проводник

* * * *

...Не могу сказать, как именно это случилось, но внезапно я погрузился в кромешную тьму. Я ощутил невероятную тяжесть во всем теле, как будто в каждую клетку моего ослабевшего организма залили тонну свинца. И наступил жуткий холод, от которого меня обуяла дрожь. Затем меня как будто достали изо льда и швырнули в огонь, а через мгновенье – наоборот. И так продолжалось много раз, пока я вдруг в диком страхе не услышал громких звук, похожий на взрыв авиабомбы, и перед моими обезумевшими глазами в темноте в разные стороны разлетелись искры, которые тут же исчезли.

Мое несчастное существо произвело длинный и тяжелый выдох, и я со всей страшной ясностью понял: этот выдох последний в моей жизни. Я умер.

Как только я подумал об этом, я увидел перед собой ослепительно белый свет, который осветил мне умопомрачительную картину безграничного неземного простора под невероятным, доселе никогда невидимым небом, настолько синим, что казалось, других цветов в мире просто не бывает и не бывало никогда.

Мое тело приобрело легкость молекулы, и оно, поднявшись, полетело над землей. Какое наслаждение! Какая безумная радость! Какая ясность ума, необремененного земными звуками, запахами, ощущениями! Меня охватило непреодолимое желание расхохотаться или запеть, и я, не удержавшись, закричал от восторга. И тут же мой полет прервался, и я, как подбитая птица, рухнул вниз. Но тут же меня подхватила какая-то неведомая сила, как будто чья-то мощная рука поймала меня на лету, и я оказался стоящим

как бы на облаке (так, по крайней мере, мне показалось). И в этот самый миг я окончательно убедился, что умер.

Тут же я ощутил себя парящим под потолком в какой-то белой комнате, которая оказалась операционной, и, глядя вниз, увидел себя, лежащим на операционном столе, от которого обреченно отходили люди в голубых халатах и колпаках. Вон он, я! Лежу бездыханным трупом! Неужели это я, это бесполезный кусок остывающей плоти? Не тот, кто, прыгал над волейбольной сеткой, отбивая мяч, танцевал рок-н-ролл, притягивая восхищенные взгляды, целовал женщин и убегал от полиции. Мчался за рулем «доджа» по ночной улице...

Я перелетел через стену операционной, как через легкую дымку и очутился в коридоре, где увидел и услышал плачущих родных – жену, брата, сына. А где же моя дочурка Кристи? Почему ее нет здесь?..

Они так горько рыдали, что мне хотелось крикнуть им: не нужно! Я здесь! Со мной все в порядке! Мало того, мне так хорошо!..

Потом я как будто перенесся в другое место, где не было никого, и тут я почувствовал присутствие какого-то очень знакомого человека, который держал за руку маленького человечка, наверное, ребенка, лица которого я не видел – оно было как будто затушевано.

Я увидел лицо знакомого мне человека, но мне пришло в голову, что я никогда его не видел в своей жизни. Но почему тогда я его так хорошо знаю? Откуда я его знаю?

Человек подошел ко мне ближе, и я, вглядевшись в его лицо, понял, что это Иисус. Я поклонился ему, но когда выпрямился, то увидел перед собой уже Будду. Я опешил, потер глаза, но после того, как отнял руки от лица, то вновь увидел Христа, а через мгновенье он

снова стал Гаутамой...Это двуликое существо по-прежнему держало за руку неведомого мне ребенка.

Увиденное так поразило меня, что я как будто, наступив на пол из незакаленного стекла, рухнул сквозь него вниз с высоты последнего этажа Бурш-Халифа...

* * * *

– Это все? – спросил смуглый черноглазый человек в белом халате и затемненных очках, держа мою руку в своей и проверяя пульс. Им оказался мой друг Брайан.

– Все, что помню... – пробормотал я. Только что я закончил свой рассказ об увиденном и услышанном, пока пребывал в трансе, в который меня ввел Брайан. Я все помнил настолько отчетливо, будто только что вышел из кинотеатра, в котором просмотрел яркий триллер.

– Ну что ж, Ник, – вздохнул Брайан. Он был психотерапевтом с солидным стажем и непререкаемым авторитетом. И он три дня назад предложил мне пройти сеанс регрессивной психотерапии, чтобы разобраться в моих проблемах, – теперь кое-что становится ясным.

– А что ты со мной сделал? – спросил я, потирая виски пальцами, – ты вернул меня в предыдущую жизнь и показал мне смерть по ее окончании?

– Нет, Ник, – усмехнулся Брайан, – наоборот.

– В каком смысле? – удивился я.

Брайан встал со стула, прошелся по кабинету и закурил пахучую сигарету с немного приторным карамельным душком.

– Я перенес тебя в будущее. Не совсем далекое будущее...

– Не совсем далекое – это как?

– Я показал тебе твою предстоящую смерть.

– Постой, но ведь ты же регрессолог. Ты возвращаешь клиентов назад, а не вперед.

– Видишь ли, Ник, – Брайан подошел к окну, за котором привычно шумел осенний Торонто, – мне показалось, что я не смогу найти ответы на вопросы в рамках твоих прошлых жизней... А вот в твоей текущей жизни... вернее в очередном переходе из нее в следующую...

Он вернулся к столу и сел, надев очки. Я продолжал недоуменно смотреть на старого приятеля, не вполне понимая смысл его слов.

– Для начала давай поговорим о том, что увидел и услышал во время сеанса. У тебя есть ко мне какие-либо вопросы по поводу всего этого?

Я задумался, подумал минуту, а затем спросил осторожно:

– А почему Христос и Будда представали передо мной попеременно в одном человеке? Что за странная двойственность?

– Почему странная? – в свою очередь удивился Брайан, – разве ты забыл о своих верованиях? Ты же мне постоянно талдычил мне и другим, что христианская религия, по сути, не отличается от буддийского учения. Ну, вспомни – всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду. Это было у Христа. А у Будды – Позор тому, кто бьет святого, и еще больший позор тому, кто поддается гневу. Или... Христово «не противься злому» и «смирение – это высшее благословение» у Будды.

– У тебя поразительная память, – не без восхищения усмехнулся я, – цитируешь прямо слово в слово. Ну, да, так и есть – «собирайте себе сокровища на небе» и «всякая усиленная привязанность ко всему земному – страдание».

– Вот-вот, – кивнул Брайан, – не мудрено, что твой проводник в другой мир оказался в двух ипостасях одновременно. Ты веруешь в Христа, но это никак не мешает тебе следовать буддийским правилам жизни. Да, у Будды нет ничего про бога и высший абсолют, но это не означает, что Будда отрицает бога. Ты поклоняешься Христу, но сохраняешь при этом в душе авторитет Будды, как великого учителя и не проводишь между ними линию разграничения. Поэтому к тебе явился такой проводник.

– Кого же он все-таки держал за руку? – медленно произнес я, глядя в окно, – почему лицо этого человечка было затушевано? Как будто кто-то нарочно это сделал, чтобы его не узнали...

– Чтобы ты его не узнал! – сказал Брайан, сделав акцент на слово «ты».

– Я?

– Ну, конечно. Это же была твоя смерть, а не кого-либо иного человека.

– Так кто же это?

Брайан пожал плечами:

– Насколько я знаю, человека в начале его пути в мир душ встречают те, кого он любил в последней жизни...

– Кристи! – осенило меня и вырвало из моего нутра сдавленный крик, – это Кристи! О, боже!

– Почему ты думаешь, что это Кристи? – встревоженно спросил Брайан, подойдя ко мне и вперившись в мои глаза своими блестящими маслинами.

– Я не увидел ее среди моих, когда парил под потолком больницы, где умер!

– Это еще ничего не значит, Ник, – торопливо заговорил Брайан, держа меня за руку, – они оставили ее дома, больница не место для маленьких девочек...

– Нет, нет! – воскликнул я, – как ты не поймешь!

Кристи встречает меня, держа за руку Христа-Будду потому, что умрет раньше меня! Брайан! – я вскочил и затряс его за руки, – верни меня обратно в будущее, в момент смерти... Я хочу еще раз посмотреть на того, кто был с Христом... и Буддой. Может быть, мне удастся рассмотреть лицо...

– Послушай, Ник, – замахал руками Брайан, – успокойся. Сядь, остынь и подумай.

– О чем тут думать?..

– Если лицо было затушевано, значит, это неспроста. Ты не должен был узнать этого человека.

– Но зачем? Какая тут загадка? К чему вообще эти ребусы? Может быть, я не сумел как следует рассмотреть, а в этот раз получится?

– Ник, – твердо произнес мой друг, закуривая вновь, – повторяю – это не просто так, что ты не узнал маленького человека. Может быть, лучше подумать, почему?

* * * *

Вернувшись домой, я первым делом заглянул в детскую комнату. Кристи, моя шестилетняя дочка, с кудрявой и мягкой шевелюрой и небесно-голубыми глазками сидела за деревянным детским столиком и собирала большой красочный пазл. Она подняла на меня свои неповторимые «васильки» и улыбнулась:

– А где ты был, папа?

Я чуть не брякнул «на том свете», но вовремя опомнился. Подошел к ней и поцеловал в пушистую макушку, пахнущую молоком.

– Я был у дяди Брайана, – ответил я, стараясь не выказать малейшей тревожности в голосе, – мы беседовали о моем здоровье.

– Ну и как, у тебя все в порядке? – запросто спросила Кристи, продолжая подбирать элементы пазла.

– Конечно, – ответил я и вышел из комнаты.

«Неужели это была она?» – сверлила мой мозг мысль бесшумным и почти безболезненным перфоратором. Я пытался вспомнить, какого хотя бы роста было это существо, встретившее меня на моем посмертном пути. И тут же понимал, что именно такого, как у Кристи.

«Черт, а может быть, это все фантазии моего подсознания, которые вызвал Брайан?» – тешил я себя надеждой. «Но как он все это мог устроить? И почему все-таки лицо человечка неузнаваемо?».

Я вошел в гостиную, где застал супругу Гертруду, сидящую на кушетке и просматривающую сообщения в смартфоне. В уме я вдруг отметил для себя то, как она похожа на Кристи, правда, у нее не было таких красивых кудрявых волос, как у дочки. Она подняла на меня глаза, такого же цвета, как у Кристи, и рассеянно спросила:

– Давно ты вернулся?

– Только что, – ответил я, садясь рядом и устало протягивая ноги.

– Что Брайан?

– В порядке.

– А ты?

Я посмотрел на нее – она задала вопрос, не отрываясь от телефонного экрана. Ей интересно на самом деле или нет? Непонятно. Ну и ладно. Не стоит ей все рассказывать – моя супруга с первого дня нашего знакомства была заядлой материалисткой и не особенно доверяла любым религиям, а в особенности, эзотерике и духовной практике. Не поймет. И не поддержит. Зачем зря затевать эти разговоры, если итог ясен заранее.

– А ты вообще зачем к нему ходил?

– Со сном проблема в последнее время. – соврал я, – стал просыпаться ближе к трем ночи.